

Вслед за Сирано

Мы, КРИТИКИ, — народ премьерный. За это, в частности, нас артисты и не любят. Набежим-нашумим в первые дни, когда спектакль еще дыбом стоит, оформим — устно или письменно — мнение и думать о спектакле позабыли. А для спектакля жизнь как раз после этого нервного времени и начинается. Ее артисты проживают со зрителем, но, как правило, без критики. Сколько раз я убеждалась, что наиважнейший спектакль — рядовой, куда приходишь случайно, занесенная каким-то шальным ветром.

Так невзначай попала я однажды на «Вишневый сад» в Театр Ленсовета. Спектакль шел бог знает в какой раз, но, оказалось, — в последний. В тот вечер Алиса Фрейндлих — Раневская прощалась с ролью, уходя в Большой драматический. Прощание геройни с вишневым садом так переплелось с прощанием актрисы со сценой, где пришла слава, прошла молодость и наступила мудрость, что возник двойной эффект, давший спектаклю напоследок смысл и объем, коего прежде не было и не предвиделось...

Тот «Вишневый сад» я вспомнила недавно, случайно увидев «Сирано де Бержерак» в Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина. После премьеры прошло почти три года, и я чувствовала себя, словно в чужом городе. Публика была главным образом приезжая: задрав голову, зрители разглядывали роскошный зал, позолоту, бархат, плафон. Ленинградцы сюда и на премьеры-то неохотно жалуют — отвыкли. Для многих этот театр просто перестал существовать, отдалившись куда-то в начало 50-х. Я сама иду сюда через силу, понукаемая исключительно профессиональным долгом, посмотреть на отдельных актеров, которые еще чудом каким-то сохраняются в этом дремучем лесу. Иду, чтобы в очередной раз убедиться: режиссуры как не было, так и нет (вспоминать Р. Горяева и А. Сагальчика даже уже как-то и неловко, так давно они здесь работали); уровень труппы все скромнее и скромнее, чтобы не сказать примитивнее...

Но на сей раз я не пожалела.

Сирано играл артист Александр Марков. По меркам Пушкинского театра — молодой. По меркам общечеловеческим — не очень: сорок лет. Но не только в возрасте дело. Герой Маркова напомнил мне лучшие времена, когда на этой сцене главными были не гладкие, сътые и самодовольные аппаратчики, выдаваемые за положительных героев, а мятежные, рассерженные молодые люди. Можно даже не углубляться во времена Владимира Честнокова, достаточно вспомнить молодого Юрия Родионова...

Каждый из нас повидал на своем веку всяких Сирано — были влюбленные романтики, были блестательные забияки, были Поэты (как, скажем, Сергей Шакуров в спектакле Бориса Морозова). У Сирано Александра Маркова на первом месте — противо-

стояние. Он не может притворяться, лгать, не выносить фальши. Тут-то и возникает в спектакле двойной эффект: в этом мертвом, фальшивом, неописуемо архаичном спектакле Сирано — единственное живое лицо, в общем хоре лишь голос Маркова не фальшивит, звучит просто и естественно.

И штука даже не в том, что постановка замысливалась режиссером И. О. Горбачевым как бенефис актера И. О. Горбачева и трактовала всех прочих персонажей как «гарнir к сочному бифштексу» (выражение И. О. Горбачева). Постановщик был озабочен одним — юношеской влюбленностью в Роксану. В этом виделась ему суть героической комедии Э. Ростана. Когда отремели юбилейные спектакли по случаю 60-летия И. О. Горбачева, Марков получил от шефа и учителя роль в наследство. Но не стал продолжать эту линию. Разительно непохожий на бенефицианта — худой, быстрый, аскетичный, он побеждает врагов, кажется, исключительно силой духа. Он бьется с ложью, подлостью, лицемерием, но победы не веселят его. Маркову удаются мужественные страдания Сирано, его одинокий вызов миру, но влюбленность... Это, пожалуй, по плечу только И. О. Горбачеву. Роксана, которую изображает артистка Т. Кулиш, — беспричинно веселое, пышно наряженное, некстати игровое существо. Сирано Маркова трудно испытывать страсть к этой легко лицемерящей ревущей. Поэтому охотно веришь его признанию:

...Так прекрасно,

Себя не видя и не видя вас,

И чувствовать и говорить в пространство.

Да, много интересного можно заметить, побывав на рядовом спектакле. Случайность все-таки, как ни ревизуя марксизм, остается проявлением закономерности: оказывается, отношения Сирано, артиста А. Маркова и Пушкинского театра еще сложней, чем видится из партера. Актер, словно вторя своему герою, не может более выносить ложь и лицемерие, царящие на прославленной некогда сцене, — он решил уйти. Куда? Пока никуда. Впрочем, его герой тоже не грешил pragmatичностью. Главное — не увязнуть в рутине, не поддаться всеобщему притворству и цинизму. Иначе и не заметишь, как из Сирано превратился в разжиревшего Монфлери или в гарнir к нему.

Но за Маркова не страшно — он талантливый человек, он не пропадет. Страшно за театр, который селекционирует серость и безропотность, отторгает инородные тела, оставляя себе только тех, кто не склонен к бунту, — ни к творческому, ни к человеческому.

Елена АЛЕКСЕЕВА.
ЛЕНИНГРАД.

Фото В. Красикова.